

Кизика в конце царствования Птолемея VIII Евергета при помощи индийца «первым» достиг Индии, а при попытке повторить это плавание сбился с пути? Да и с кем греко-египетские торговцы могли бы делиться информацией, необходимой для использования муссонных ветров при плавании в Индию? Тем не менее А. Черняк приходит к выводу о том, что уже во второй половине II в. до н.э. или даже в III в. до н.э. существовал прямой морской путь от аравийского побережья до области Лимирика, когда мореходы на всем протяжении плавания следовали одной параллели. Этот путь должен был быть разработан арабскими и индийскими мореходами, интенсивно осваивавшими северную часть Индийского океана²². Подтверждением этому должна служить и информация об о-ве Сокотра, чье название произошло от санскритского «sukhataṅga» – «счастливейший» (с. 260). Действительно, морской путь между Индией и Средиземноморьем мог быть проложен уже в III в. до н.э. – можно вспомнить и стремление Ашоки установить прочные контакты с эллинистическими правителями. Но почему этот факт должен вести к отрицанию историчности Гиппала, пусть даже и в качестве не первооткрывателя «муссонной торговли», а морехода, лучше других сумевшего воспользоваться опытом многих?

Далее А. Черняк обращается к анализу влияния торговли с Индией на экономику Рима. Он отмечает, что находки кладов римских динариев, как правило, совпадают с местами добычи берилла. Это обстоятельство подтверждает связь оттока денежной массы из Рима в связи с пристрастием римской элиты к роскоши (с. 266). Письменные источники (Плиний Старший и Тацит) и нумизматические находки в Индии говорят о том, что на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. в торговле Рима с Индией произошло качественное изменение. Но торговля эта не была единой системой, в зависимости от времени и места она принимала различные формы (с. 270)²³.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что «Перекрестки» – интереснейшая цельная публикация, все составные части которой связаны единой концепцией; точки зрения авторов – свежи, оригинальны (хотя иногда и неполностью обоснованы – сомнительной, например, представляется неисторичность мореплавателя Гиппала), ряд тезисов (прежде всего, датировка «Перипла» серединой–третьей четвертью I в. н.э.) получили дополнительное многостороннее обоснование, и, отталкиваясь от них, можно приступить к решению такой принципиально важной проблемы, как зарождение и развитие мореплавания между Средиземноморьем и Индией в первые века нашей эры. Многообразие вопросов, поднятых в «Перекрестках», высочайший уровень источниковедческого анализа в рассмотренных статьях делают книгу существенным вкладом в разработку истории средиземноморско-индийских связей.

М.Д. Бухарин

© 1999 г.

CHRZANOVSKI L., ZHURAVLEV D. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow*. Roma: «L'Erma» di Bretschneider, 1998. 296 p.: ill. (Studia archaeologica, 94)

Интерес к светильникам – основному виду осветительных приборов, веками служивших греко-римскому обществу, не случаен по многим причинам и прекрасно отражен в обширной специальной историографии, во многих сотнях работ, статей, публикаций, каталогов, появившихся преимущественно за последнее столетие главным образом в зарубежных изданиях. Светильники достаточно надежно датируются, подлежат детальной, дробной классификации, позволяют уточнить уровень гончарного ремесла, культурных, художественных, эстетических запросов общества и, разумеется, исследователи давно выбрали их предметом своих наблюдений, добившись на этом пути немалых успехов. Рецензируемая работа Л. Хршановского и Д. Журавлева, написанная на исходе века, как бы закрывает череду самых крупных изданий такого рода и вместе с тем может являться своеобразным эталоном для них. Выполненная на

²² Об этом см. Salles J.-F. The Periplus of the Erythraean Sea and the Arab-Persian Gulf // Athens. Aden. Arikamedu... P. 128–134, 140.

²³ О степени влияния Индии на римское общество в целом см. Dihle A. The Conception of India in Hellenistic and Roman Literature // Proceedings of Cambridge Philological Society. 1964. 10. P. 94–98.

великолепном полиграфическом уровне, книга вышла в престижной серии «Studia archaeologica», хорошо известной специалистам с 1961 г.

Сказанное тем более важно, что отечественное изучение светильников долгое время велось весьма поверхностно. После появившегося перед Первой мировой войной издания светильников Эрмитажа¹ до 1960-х годов в этой области можно обнаружить лишь лакуну. Последние тридцать лет несколько улучшили положение, однако сводных, обобщающих публикаций, в которых были бы представлены все материалы из отдельных центров, музейных коллекций по-прежнему крайне мало. К таковым можно отнести лишь публикацию Т.М. Арсеньевой глиняных ламп из раскопок Танаиса, введение в научный оборот всех античных светильников из Тиря, количеством около 200, предпринятое Н.А. Сон и С.Б. Сорочаном, а также издание 232 светильников I–VI вв. н.э., хранящихся в фондах Одесского археологического музея, куда они попали преимущественно из беспаспортных коллекций². Почти ничего не известно о светильниках, обнаруженных в ходе раскопок Боспора, Сугдеи и других центров Восточного и Южного Крыма. Недавняя публикация светильников из средневековой Каффы касается материалов только геноузского и турецкого периодов и представлена немногочисленными невыразительными, хотя и поливыми, открытыми плоскими XIV–XVIII вв.³ Обработана, но до сих не издана богатейшая, насчитывающая около 5 тыс. экземпляров, коллекция светильников Национального заповедника «Херсонес Таврический».

С этой точки зрения можно сказать, что работа Л. Хршановского и Д. Журавлева явилась первым звеном в публикации всего собрания херсонесских ламп. Изданные 112 экземпляров, хранящиеся в Государственном Историческом музее, явились своеобразной репрезентативной выборкой из добытого за многие десятилетия раскопок материала в одном из самых значительных античных и византийских центров Северного Причерноморья. Это обстоятельство с лихвой компенсирует сравнительную малочисленность представленных в рецензируемом каталоге ламп и делает его особенно удобным для практической работы и поиска необходимых в таком случае справок. Их добротность надо особенно подчеркнуть, учитывая, что авторы показали доскональное значение специальной литературы по проблеме, знакомство с лучшими каталогами светильников, в том числе достаточно редкими и труднодоступными для отечественных показателей.

Рецензируемая работа построена по стройному принципу, в основе которого лежит давно принятое среди исследователей деление материала на разделы, посвященные соответственно греческим, римским, византийским («христианским») и средневековым лампам. Правда, последний раздел представлен единственным экземпляром – многоярусным люстроном с открытыми круглыми плоскими (с. 177, № 111), но это не показатель некой ущербности коллекции, а следствие объективного процесса свертывания производства светильников к эпохе «темных веков», объяснимого доминированием новых способов освещения, среди которых ведущую роль заняли восковые свечи⁴.

Каталогу предпослано введение, где в сжатой форме повествуется о происхождении коллекции, начало формирования которой уходит к 1872 г. Она включает материалы из раскопок в Херсонесе графа А.С. Уварова, К.К. Косцюшко-Валюжинича, Н.В. Пятышевой и других археологов, частных собраний, Румянцевского музея, а также светильник, поступивший в музей из раскопок И.И. Гушиной могильника Бельбек IV близ Севастополя.

Историография изучения херсонесских светильников сведена по сути дела к краткой библиографической справке. К ней можно было бы добавить хорошо известный специалистам труд О.Ф. Вальдгауэра, который, несмотря на излишнюю лапидарность описания, ввел в научный оборот часть херсонесских ламп из богатейшего собрания Императорского Эрмитажа. Справедливости ради следовало бы также подчеркнуть, что на материалы коллекции Государственного Исторического музея, представленные в рецензируемом каталоге, впервые обратили внимание в своей монографии В.И. Кадеев и С.Б. Сорочан⁵, которые изучили почти все светильники I–V вв. импортного происхождения, а отнюдь не «только несколько экземпляров» (с. 18).

¹ Вальдгауэр О. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.

² Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М., 1988; Сон Н.А., Сорочан С.Б. Античные светильники из Тиря // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 115–133; Левина Э.А. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н.э.). Одесса, 1992.

³ Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Керамические подсвечники XV–XVIII веков из Каффы // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 195–208.

⁴ См. Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 15 сл., 58 сл., 113 сл., 189.

⁵ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

Авторы удачно решили сложную, требующую широкой эрудиции проблему создания краткого очерка, способного охватить всю историю Херсонеса с момента его возникновения до XIV в., когда город подвергся разгрому. Впрочем, средневековый период можно было бы и опустить, учитывая, что к представленным в каталоге светильникам он не имеет равным счетом никакого отношения. Это избавило бы от необходимости одной строкой объявлять об упадке города, который якобы наступил в XII в., и в «лучших традициях умолчания» отказываться от оценки происходившего здесь в VII–IX вв. (с. 21 сл.). По этой же причине едва ли стоило столь подчеркнуто выделять гипотезу Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева о времени основания Херсонеса в последней трети VI в. до н.э.⁶, ибо этот вопрос остается крайне дискуссионным. Дело не в находках позднеархаической, ионийской, чернофигурной или краснофигурной керамики и самых ранних остраконов, а в том, с какого момента поселок, пристань, постоянный эмпорий, наконец, апойкию можно считать полисом, т.е. гражданской общиной. Найденные остраконы, как предполагается, с именами первопоселенцев относятся к V – началу IV в. до н.э. Светильники тут тоже мало помогают по причине очень широкой датировки. Самые ранние из них, подобные № 1 в каталоге, вполне укладываются в пределы VI–V вв. до н.э., а как тип доживают до IV–III вв. до н.э.⁷ То же самое можно сказать о прочих светильниках с открытым туловом и «ложковидным» рожком. С этой точки зрения архаические и раннеклассические лампы – материал неблагоприятный и в силу невыразительности, застылой консервативности своих форм плохо поддается распределению по столетиям, не говоря уже о более дробных датировках. По сути дела в гл. 1 первой части каталога, посвященной греческим лампам, представлен не один тип, как может показаться читателю, а по меньшей мере три, включая лампы, получившие у специалистов условное название «висячий замок» за их схожесть с этим предметом, весьма далеким от осветительных приборов (с. 37, № 5).

То же самое можно сказать о второй главе первой части, включающей два типа светильников, хотя они объединены под названием «лампы с уплощенным сферическим туловом» и отнесены к IV–III вв. до н.э. Между тем первый из них (с. 41, № 8) имеет свои особенности и как тип сложился уже в V–IV вв. до н.э.⁸ Проблематичность его датировки «серединой IV–III вв. до н.э.» вынуждены были отметить сами издатели. Следующие два светильника относятся к классическим лампам с выступом на боку (с. 42–44, № 9–10) и, следовательно, могут быть совмещены с предыдущим весьма условно. Они хорошо были известны в Афинах, Коринфе, Антиохии, Эфесе и на Делосе в III–II вв. до н.э., хотя преобладали в первом из этих столетий⁹. Кстати, широкий щиток и узкие плечики экземпляра под № 10 позволяют предположить, что он по времени предшествовал № 9. Последний относится к вариантам, которые существовали до конца II в. до н.э. В 1996 г. при раскопках И.А. Антоновой и С.Б. Сорочана на территории так называемой «цитадели» Херсонеса на участке «Южная площадь» был открыт колодец, засыпь которого дала закрытый комплекс выразительного материала III–II вв. до н.э., в том числе два прекрасно сохранившихся светильника, аналогичных опубликованным в каталоге.

Гл. 4 первой части включает уже не столько греческие, сколько римские светильники. Если первый из них действительно относится к классическому эфесскому типу (с. 47, № 12), то последующие два образуют особый тип ламп с удлиненным рожком, заканчивающимся волютами, и такими же рудиментарными волютовидными выступами по обеим сторонам тулова. Составители каталога предлагают датировать один из этих светильников I в. до н.э. – I в. н.э., а другой – концом II – первой половиной I в. до н.э. Однако подобный вариант достаточно уверенно отнесен М. Дженито к первой четверти I в. н.э.¹⁰, и, учитывая форму волют рожка, с этим можно согласиться, по крайней мере в отношении экземпляра под № 13.

Переходный характер от эллинистических к римским светильникам отразили образцы, помещенные в гл. 6 (раздел «Греческие лампы») и гл. 2 (раздел «Римские лампы»). Это так называемый «тип Эскиллин» с характерным рожком, окончание которого напоминает ласточкин хвост (с. 53 сл., № 16), и *Vogelkopflampen*, с очень похожим рожком, украшенным сверху изображением пары птичьих головок (с. 69 сл., № 27). Учитывая достаточно реалистичную передачу коропластом этих головок, трудно согласиться с датировкой экземпляра из коллекции

⁶ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 36–46.

⁷ Cf. *Broneer O. Terracotta Lamps // Corinth. Cambr., 1930. T. 4. P. 2, 42 f., type V; Bovon A. Lampes d'Argos // Études péloponnésienes. P., 1966. T. 5. P. 21 f., № 34–38.*

⁸ Cf. *Genito M.C.G. Lucerne fitili delle collezioni del Museo civico archeologico di Bologna. Bologna, 1977. P. 32, 34. № 13.*

⁹ *Bovon. Op. cit. P. 31. № 125.*

¹⁰ *Genito. Op. cit. P. 67 f. № 108.*

ГИМ серединой I – началом II в. н.э. К этому времени декор шейки рожка таких ламп стал несколько стилизованным в виде штрихов, оставшись скорее напоминающим абстрактным символом, далеким от прототипа¹¹.

Перед второй частью каталога вполне уместной была бы небольшая преамбула, объясняющая процесс формирования светильников римского типа со II в. до н.э. Тогда стало бы яснее отличие одной части собрания от другой и можно было бы избежать некоторой непоследовательности между ними. В любом случае светильники под № 13–14 правильнее было бы поместить в гл. I о лампах с волютами (с. 57–67), в которой, впрочем, представлен и светильник с полуволютами (№ 26). Здесь мы опять-таки сталкиваемся с настоятельной необходимостью введения подтипов, поскольку собранные в одной группе экземпляры в действительности отличаются формой рожка, шириной плечиков и формой ручки, то формованной, то наклепной и петлевидной, а иногда и ее отсутствием. Эти же обстоятельства заставляют вносить некоторые коррективы в предлагаемые датировки (например, отнести № 18 к середине I в. н.э., а не к концу I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.; № 21 – только ко II в. н.э.; № 22 – к середине I в. н.э.).

Пассаж насчет светильника с изображением на щитке стоящих Афродиты и Амура интересен и обстоятелен (с. 58–60), но увязывать его с историческими реалиями конца I в. до н.э. можно с большой натяжкой. Дело в том, что подобный сюжет столь же греческий, как и римский. Мало того, он отдает эротикой, столь популярной в изображениях на светильниках первых веков нашей эры. Плечики изделия узкие и с этой точки зрения действительно ранние, однако нечеткость волнот настораживает, и, самое главное, щиток открыт каналом к рожку, что указывает скорее на первую четверть I в. н.э., нежели на предыдущее столетие.

Тот же критерий, а именно – отсутствие канала к рожку, заставляет, напротив, отнести к ранним вариантам светильник типа *Finglampen* со штампом *Strobili* на дне (с. 73 сл., № 28). Составители каталога считают возможным датировать его серединой II в. н.э., т.е. временем эпигонов знаменитой мастерской последней трети I в. н.э. Однако не случайно все прочие светильники этого типа из собрания ГИМ имеют характерную для поздних вариантов черту – канал к рожку.

Гл. 4 «Римские круглые лампы» одна из самых обширных и включает описание 41 экземпляра (с. 79–130, № 32–73). Однако и она представляет несколько вполне самостоятельных типов, объединение которых в одну группу следовало бы должным образом аргументировать. Так, экземпляры под № 32–33, 36, 44–48, 54–57, 60–62 могут быть отнесены к очень многочисленным светильникам северопричерноморского варианта римского типа, которые датируются второй половиной – концом II – началом IV в. н.э.¹² Судя по форме ручки и рожка, их датировка может быть выстроена в следующем порядке: № 36 – один из наиболее ранних, II в. н.э. (но не конца I в. н.э., как считают составители каталога, ибо сердцевидный рожок сильно утоплен в тулово, а плечики достаточно широкие и покатые); № 34–35, 57 – вторая половина II – начало III в. н.э.; № 32–33, 44–48, 54–56, 60–62 – III в. н.э. Об импортном или местном производстве подобных изделий можно говорить весьма предположительно, так как аналогичные экземпляры делали и в городах Западного Понта, и в Тире, и на Боспоре. Керамикой же активно обменивались.

Одинаковые светильники с сердцевидным рожком, петлевидной наклепной ручкой и изображением собачки, стоящей вправо на ложе, очень похожи на предыдущие, однако в них преобладают классические черты римских ламп, а тщательность выполнения указывает на сравнительно раннее время изготовления (с. 87–90, № 39–40). Впрочем, их датировка скорее ближе к середине II в. н.э., чем к его началу. Сюжет же композиции на щитке не обязательно имел только сакральный смысл. Возможно, перед нами вариант сочетания жанровой сценки с глубоко потаенным культовым подтекстом (собачка явно «комнатная» и едва ли случайно усажена художником не на постамент или некую аморфную подставку, долженствующую подчеркнуть роль животного, а на предельно реалистично исполненное ложе – *κλίτη* или *κράβαττος* – с точеными ножками).

Экземпляр под № 37 демонстрирует еще один самостоятельный тип светильников II в. н.э. с характерными стилизованными выступами-волютами по сторонам тулова. Авторы предположили его импортное происхождение, которое может быть уточнено. Похожие изделия из светло-желтой глины делали в Сирии¹³. Светильник под № 41 тоже отнесен ко II в. н.э.,

¹¹ Ibid. № 120–123.

¹² Сон, Сорочан. Ук. соч. С. 125 сл. Рис. 5, 3.

¹³ Кадева В.И., Сорочан С.Б. Египетские и сирийские светильники первых веков н.э. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. 1985. № 268. С. 97. Рис. 2.

однако его едва ли следует датировать позже середины этого столетия. Форма рожка с псевдоволунами на шейке, перехват у ее основания, превосходная проработка желобков-каннелюр на формованной ручке указывают на I в. н.э., возможно, на последнюю его треть и до середины II в. н.э. Позже такой рожок был бы нелепым.

Весьма примечательная группа из трех однотипных светильников с сердцевидным рожком, виноградной лозой на плечиках, формованной ручкой и изображением Доброго пастыря на щитке (с. 112–121, № 64–66). Нет сомнений, сюжет декора имел вполне определенный подтекст. Интересно, что экземпляр под № 64 выполнен настолько классически, что вполне укладывается в требования, предъявляемые к изделиям II в. Как бы то ни было, мы имеем дело с одним из самых ранних светильников с христианской символикой, известных среди херсонесских материалов, что уже само по себе важно.

Среди объединенного в главу «Римские круглые лампы» материала оказались бессистемно рассеяны светильники позднегреческого типа (№ 63, 67–68, 70). Большинство из них может быть датировано не ранее конца III в. н.э. После разгрома Афин герулами в 267 г. н.э. качество греческих изделий упало, глина стала хуже, преимущественно красно-коричневого цвета, и светильники из Херсонеса тоже являют эту характерную черту. Вероятно, экземпляр под № 59 (с. 107 сл.) относится к подражаниям позднегреческим светильникам. Сюжет его декора – Эрот, плывущий на дельфине в окружении рыб, медуз, крабов, и удлиненные, ланцетовидные листья ивы на плечиках – явно заимствован с продукции известной афинской мастерской Евтиха, работавшей во второй половине III – первой половине IV в. н.э.¹⁴ Заимствование скорее всего произошло в это же время и, кстати, осуществить его мог местный коропласт: аналогичные поделки как из светло-желтой, так и из темно-коричневой глины известны среди материалов Херсонеса и Тира¹⁵.

Светильник под № 71 помещен составителями рецензируемого каталога в гл. 4 «Римские круглые лампы», что не совсем удачно. Как и экземпляры под № 87, 89–91 (гл. 8 и 9), он может быть отнесен к особому типу поздних небольших и грубых яйцевидных светильников с петлевидной ручкой, которые появились в конце III–IV в. н.э., получили наибольшее распространение в IV – первой половине V в. н.э. и бытовали, вероятно, до начала VI в. н.э.¹⁶ Несмотря на свой неприглядный вид и некую нарочитую небрежность исполнения, среди них были импортные экземпляры, о чем свидетельствуют значительные примеси в их глине серицита. Они изготавливались в двусторонней форме, и поэтому отнесение светильника под № 87 к лампам, выполненным на гончарном круге, весьма проблематично (с. 146). Во всяком случае, имеющаяся фотография не дает таких оснований. Сглаженность же поверхности могла быть достигнута и вручную после формовки.

Датировка светильников с характерным биконическим туловом (гл. 7, с. 141–143), видимо, несколько искусственно ограничена IV – серединой V в. н.э. Археологические и нумизматические материалы позволяют говорить, что этот тип уже сложился к концу III в. н.э., если не раньше, и существовал до VI в. н.э. Светло-желтый цвет глины, а также слегка приподнятое дно овальной формы с рельефным валиком к ручке и рожку указывают на принадлежность, некоторых экземпляров к продукции малоазийских мастерских, не исключено, что это может быть даже Милет¹⁷.

Гораздо труднее разобраться в центрах производства светильников, сгруппированных в гл. 11 («Поздние римские лампы», с. 155–167, № 93–107). В большинстве своем они относятся к североафриканскому (средиземноморскому) типу изделий, которые долгое время называли «христианскими» ввиду заметного преобладания в декоре христианских символов и мотивов. Среди них выделяются несколько характерных вариантов, очевидно, разного происхождения. Достаточно определенно на мастерские александрийского и карфагенского круга указывают особенности светильников под № 96–98, и составители вполне могли бы убрать знак вопроса после указания места их производства. Зато среди изделий, представленных как италийские (№ 100–105), явно есть если не позднегреческие, то малоазийские, на что указывает завершение ручки светильника под № 101, выполненной в виде стилизованного «рыбьего (ласточкиного) хвоста» или «якоря», характерное именно для продукции малоазийского круга¹⁸.

Не ясно, чем руководствовались составители каталога, когда относили светильник под

¹⁴ Кадеев, Сорочан. Экономические связи... С. 50.

¹⁵ Сон, Сорочан. Ук. соч. С. 129.

¹⁶ Кадеев, Сорочан. Экономические связи... С. 69.

¹⁷ Там же. С. 62 сл. Рис. 29, 5; 30, 9.

¹⁸ Там же. С. 70 сл. Рис. 36; Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. 2: The Pottery. Princeton, 1992. P. 80. type 1–3.

№ 106 к предполагаемым импортным, а выполненный в той же технике и с теми же чертами экземпляр под № 107 к местным херсонесским, хотя по их же заявлению очень похожие изделия встречаются в римских катакомбах (с. 166). Кстати, формованная ручка таких ламп, как бы раздвоенная по середине желобком, весьма напоминает поздние сирийские образцы. Что касается датировки, правильнее будет относить оба изделия к V–VI вв. н.э., а не только к V в. н.э. (ср. № 106).

В разделе III «Византийские лампы» можно было бы не выделять гл. I, поскольку других глав в нем нет. К тому же название «светильники с ручкой в виде креста» (Cross-Handled lamps) не совсем удачно для данной группы изделий (№ 108–110), поскольку в действительности она включает два типа светильников (классификация С.Б. Сорочана) не только с фигурной ручкой-крестом, но и в виде стилизованного треугольного листа, округлой плоской надставки или человеческой головы¹⁹. Главное отличие между ними заключается в наличии или отсутствии канала от щитка к рожку. В каталоге К. Иконому, опубликовавшего подобные образцы из различных центров на территории Румынии, им тоже соответствует не один тип, а два (XXXII–XXXIII), хотя по ошибке он относит часть таких светильников к серии североафриканских²⁰.

Следовало бы обратить внимание, что одной из первых эту группу ламп выделила польская исследовательница М. Бернхард, оперировавшая собранием материалов из Варненского музея и других коллекций, появившихся в результате раскопок на территории Болгарии²¹. Фракия несомненно была основным их производителем, хотя нельзя исключить из числа таковых мастерские Константинополя VI – начала VII в. н.э. Последние по времени монеты, встречающиеся в херсонесских комплексах вместе с этими светильниками, принадлежат Тиверию Маврикию (582–602). Дж. Хейс и В.Н. Залеская также не отодвигают их дальше («до VII в.» – Залеская)²². Некоторая часть подобных ламп изготовлялась в провинциальных центрах черноморского побережья Малой Азии, а находка обломка каменной формы для оттиска таких изделий в раннесредневековых слоях Херсонеса-Херсона указывает на наличие местных подражаний²³. Видимо, это был один из последних по времени производства тип римско-византийских светильников, на смену которым шла новая эпоха, когда роль глиняных ламп оказалась сведена к минимуму, а сами они деградировали.

Таким образом, при всех несомненных достоинствах рецензируемого каталога в нем есть одно принципиальное упущение, которое сказывается почти во всех его разделах и главах – отсутствие единых, четко выверенных и обоснованных критериев классификации, что выражается в некоторой хаотичности, неупорядоченности в разбивке на типы, подтипы и варианты. Последние зачастую вообще не принимаются во внимание, а точнее, о них умалчивается.

Иллюстративная часть заслуживает самых высоких похвал. Она выполнена в виде фотографий и прорисовок, причем каждый экземпляр снабжен разрезом, как это обычно делается в образцовых каталогах. Единственное упущение – не всегда представлена оборотная сторона изделия, его доны, а разрез помещен не сбоку от светильника, параллельно ему, а отдельно внизу, что несколько затрудняет сопоставление. Во всем остальном перед нами идеальное издание такого рода, и его составителей можно поздравить с несомненным успехом, пожелав продолжить начатую кропотливую, важную работу по публикации аналогичных обширных материалов из собрания ГИМ.

С.Б. Сорочан

¹⁹ См. Сорочан С.Б., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II–VI вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. 1983. № 238. С. 97–100. Рис. 5–6; Кадева, Сорочан. Экономические связи... С. 61. Рис. 21, 1–2.

²⁰ Iconomu C. Opaite greco-romane. Bucureşti, 1967. P. 28. Fig. 57, № 758, tip. 32; P. 28 f. Fig. 58 f., tip. 33.

²¹ Bernhard M.L. Lampki starozytne. Warszawa, 1955. P. 185 f., 332, № 338–341.

²² Cf. Hayes. Excavations at Sarachane... P. 80, 86–88, 436, type 11; Залеская В. Импортные глиняные светильники IV–VII вв. в Северном Причерноморье // Международный конф. «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С. 39.

²³ Пятыхина Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 81. Рис. VI, 5.